

18+

Наталья
КОНОПЛЕВА

НА ТУ СТОРОНУ РЕКИ

Наталья Коноплева
На ту сторону реки

Издательство «Четыре»

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Коноплева Н. В.

На ту сторону реки / Н. В. Коноплева — Издательство «Четыре»,
2025

ISBN 978-5-908079-19-8

В сборник включены рассказы о любви к себе, людям и вселенной. Каждая история уникальна и поражает разнообразием судеб, сюжетов, событий. Вы откроете разные грани этого чувства: от первых робких признаний до разлуки с любимым, от боли из-за собственного несовершенства до жажды жизни. Вы погрузитесь в мир испытаний, поиска решений, проверки силы духа, преданности, благородства, - в мир, который поможет Вам взглянуть на любовь по-новому.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-908079-19-8

© Коноплева Н. В., 2025
© Издательство «Четыре», 2025

Содержание

Карусель прошлого	6
Загадай желание	9
Монпансье	12
На ту сторону реки	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Наталья Коноплева

На ту сторону реки

© Н. Коноплева, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

* * *

Карусель прошлого

Завод по производству снега этим ранним утром работал исправно. На землю бесшумно отправлялись смиренные снежинки, чтобы запутаться в темных волосах замерзающего прохожего и навеять воспоминания о прошлом. Подхваченные ветром, воспоминания кружились, опускались на дорожки аллеи, устилая жухлую траву снежным ковром кристалликов, и, забываясь под скамейки и ныряя в едва наполненные мусорные урны, превращались в неясную боль в висках Матвея.

Пряча руки в глубине не по сезону легкой куртки, Матвей бродил по занесенным улицам, оставляя одинокие следы на белом ковре и испытывая какое-то странное удовольствие от колких льдинок на коже. Утопав небесный пух Азовской улицы, он свернул на Октябрьскую и остановился у киоска с газетами. Отражение в стекле грустно и сочувственно ему улыбнулось, заглянув в карие глаза молодого лица, раскрасневшегося на морозе. Матвей устало перевел взгляд на журналы с гороскопами, предсказаниями и советами.

Как назло, под конец года на глаза попадались именно они – от психологов, астрологов, магов, нумерологов и прочей эзотерической братии, которые в один голос вещали о подведении итогов года как одной из вех жизненного пути. Лекари души призывали осмыслить глобальное значение своего существования и заняться планированием дел на ближайший год. «Семилетний рубеж – время определения своей роли в мире: когда ум и тело меняются, жизнь перестраивается, трансформируется и запускается сначала, чтобы человек узнал свою истинную суть и принес благо другим», – писала самая известная в стране астролог. Она упорно убеждала таких, как Матвей, не сдаваться, идти к заветным желаниям и верить, что лучшее с ними если не случилось сейчас, то обязательно случится в будущем.

«Мне двадцать восемь, а места под солнцем я так и не нашел. Видно, мое солнце светит кому-то в другой стране. Там тепло, пахнет пирогами и ночами падают яблоки на крышу, – горько усмехнулся он. – Что у меня? Родителей нет. Семьи нет. Ольга в бегах. Есть только работа, консьержка баба Нина с холодцом да Васька с котом Тимохой. Причем совсем непонятно, кто больше мне друг: человек или кот».

Домой идти не хотелось. Что там? Кусочки засохшего сыра и колбасы в холодильнике. Пачка макарон. Бутылка вина. Безголовая елка, обиженно присевшая на свою единственную, окутанную ватой ногу. Старая, с помятыми пластиковыми иголками, с бородатым стариком Хоттабычем и пучеглазой совой на ветках...

Последний раз он наряжал елку с Олей. Они накрыли новогодний стол прямо на полу, и Оля, все время посмеиваясь, поднимала тосты за счастливую, веселую жизнь, где можно побыть ребенком, свободным и легким. А через два месяца Оля уехала, не сказав ни слова. Он до сих пор так и не знает почему. Несколько раз он пытался ее найти, но, получив письмо с коротким «все кончено», отстал.

Именно в этом году до дрожи в пальцах ему захотелось достать елку. Растягивая минуты, он медленно, трясущимися руками сначала вытащил с антресолей запыленный сверток, разложил на полу разноцветные шары и сосульки, долго их рассматривал, сортировал, вешал. Разбил верхушку, чертыхнулся. Встал посреди комнаты, окидывая елку придирчивым взглядом, решил поставить ее без верхушки у окна. Потом он натянул блестящую мишуру и повесил дождик. Красная гирлянда обвила стан елки, и Матвей вздрогнул, когда мигающие огоньки поскакали по зеленым веткам, до боли обжигая его сердце образами и звуками прошлого: на память пришли огромный Дед Мороз с белой бородой и длинным серебряным посохом, которого он встретил вместе с мамой у лифта, возвращаясь из детского сада после утренника; поездки на дачу, веселые родители незадолго до аварии... Вспоминать родителей, таких далеких, навечно

оставшихся молодыми, не было никаких сил, и требовался морозный воздух, чтобы охладить сердце и успокоить душу. Он сорвал тощую куртку с вешалки и выбежал на улицу...

Свернул на Садовую. Вышел в парк с замерзшим озером. В кофейне купил чаю без сахара и сел на скамейку у фонтана, как делали когда-то они с мамой, считая уток и изучая насекомых. Мысли разрывали голову. Он тер виски, подгоняя кровь, и щипал кожу лба, чтобы избавиться от наваждения. Сейчас в этом заснеженном парке ему казалось, что по всем дорожкам топают его маленькие ножки и слышится голос мамы. Она зовет: «Матвешка, посмотри, как воробьи пьют водичку из лужи!» – и Матвей бежит, распугивая воробьев.

А вон там... Ах! Та, высокая, рыженькая, очень похожа на Олю. Такие же кудрявые волосы выбиваются из-под капюшона, та же тонкая фигурка. Сердце Матвея встрепенулось. Он догнал девушку в высоких сапогах и заглянул ей в румяное лицо. Все то же. Боль, тоска, опять боль, и опять тоска.

Волна отчаяния по утраченному пробежала по всему телу и погасла где-то в глубине живота: жизнь шла своим чередом, а свыкнуться с уходом Оли не получалось, днем и ночью зимний ветер души гонял в его теле пустоту, звенящую ее именем. Это имя навеки встроилось в паутину его нервной системы, и выкорчевывать его оттуда было слишком мучительно.

Холодное солнце поднималось над деревьями, щекотало их верхушки и касалось прохожих, медленно шагавших по своим утренним делам. Подстроившись под шаг впереди идущего старика, Матвей нашел спасение от тягостного одиночества в медленном темпе и шарканье усталых ботинок по снегу. Ступая след в след за стариком и так дойдя до остановки, он залез за ним в автобус.

– Скажите, пожалуйста, какая следующая остановка, а то я прослушал, – глядя прямо в глаза старику, спросил он.

– «Поварская», – прошамкал старик беззубым ртом.

Только тут Матвей увидел на стекле весь маршрут тридцать шестого автобуса с конечной остановкой «Депо» и вспотел.

«Ну вот, как так-то? Будто специально ты проверяешь меня: выдержу или не выдержу». – Он вскинул быстрый взгляд далеко вверх и фыркнул.

За окном закончились высотки и замелькали частные дома, а он все держал себя за колени и никак не мог унять нервную чечетку. На остановке «Депо» он вышел, окинул взглядом парковку и магазинчик.

Еще три часа назад он не знал, что ноги поведут его по знакомому пролеску и он окажется у темно-синего забора дома с белыми кудрявыми занавесками. Он словно попал в другой мир. Здесь все было ярко: трава зеленее, цветы голубее, деревья мощнее, а звуки ласковее. Он прислушался. Где-то играла тихая музыка, ей вторил мягкий мужской баритон.

Привычная реальность Матвея качнулась, и из потустороннего мира, тихо и немножечко страшно, появился дед, собирающий яблоки.

– Лидок, дочка, принеси еще корзину, эта уже вся полная. И обрадуй маму. Пусть готовит таз, будем варенье варить. Только не тащи эту: она тяжелая, я сам.

Голодный желудок Матвея заурчал. На губах возник сладкий и терпкий вкус, и Матвей припомнил: готовя на зиму варенье, бабушка всегда откладывала самые красивые плоды ему. Он с замиранием сердца смотрел, как она выбирает смородинку или клубничку покрупнее, и тайно желал, чтобы она взяла именно ту, на которую он смотрел. Бабушка брала именно ту. Мыла, складывала в тарелку и посыпала сахаром или заливала сливками. Подходила мама и целовала его в макушку, а он жмурился от любви, и счастливее его не было никого на планете.

Слюна заполнила рот Матвея, и ходуном заходил кадык, помогая мышцам горла сглотнуть горькие воспоминания: он увидел маму, услышал ее смех, такой родной, светлый и нежный. Ноги Матвея подкосились, он схватился за калитку и подался вперед. Калитка открылась, он шагнул во двор. Присел на занесенную снегом корягу. «Странно, откуда она взялась? Дере-

вьев вроде никогда не было», – подумал он. И именно эта коряга поставила все на свои места. Матвей заметил, что деревья на участке вырублены, дом покосился, одно окно разбито, другое заколочено. Исчезли образы и голоса. Тихая грусть, что дом ничей и никому не нужен, повела Матвея обратно к остановке.

Снег все так же кружил над миром, убаюкивая и умиряя пламя в груди. Тонкий стан, рыжие локоны, выбивающиеся из-под шапки... За поворотом, увидев знакомые черты и уловив запах сладкой ванили, он выпрямился, напрягся. Чтобы не ринуться вперед, ломая кусты, постоял немного за деревом, не веря глазам и не сводя их с запорошенной фигурки. Она стояла вполоборота, поправляя воротник шубки, ежилась и переминалась с ноги на ногу.

– Оля, здравствуй. – Он шагнул к ней. Голос сорвался, и кашель долго сотрясал тело, а она легонько ударила его по спине, остановив поток волнения обоих. – Что ты тут делаешь?

Она посмотрела на него спокойно и уверенно, словно только утром они расстались и не было между ними двух лет разлуки.

– Автобус жду.

Боясь спугнуть маленькую рыженькую птичку своих грез и надежд, Матвей подошел к ней вплотную и взял ее оголенные руки в свои.

– А я скучал. – Слова опустились в ладони и морозным облачком поднялись ввысь.

Оля вздрогнула.

– Я просто уезжала. Мне надо было. И я...

Пушистые рыжие ресницы подрагивали, прикрывая блеснувшую в уголке зеленых глаз капельку. Оля мягко прикоснулась к его плечу. Матвей вдруг почувствовал под ногами хрупкий лед их новой жизни и прижал Олю к себе. Толщина льда росла, крепла и становилась надежнее. Пока они ехали в автобусе и обсуждали новости, лед превратился в теплую твердую, защищать которую Матвей был готов собственной жизнью.

В городе Матвей спросил о причине Олиного скоропалительного отъезда.

– Все очень просто. Ты так и не решился тогда, на Новый год, сделать мне предложение. И я разозлилась на тебя. Решила уехать. Я жила у бабушки, – вздохнула она.

Матвей схватился за ворот ее шубки, притянул Олю к себе и жадно поцеловал. Он не отпускал ее руку, пока они шли по улицам уходящего в сумерки города мимо витрин с разноцветными подарками, мимо светящихся всеми огнями елок и смеющихся людей. Он вел ее к своей елке.

У подъезда, боясь войти в будущее, они растерялись. Оба молча смотрели на железную тяжелую дверь. И в этот момент прямо на них из подъезда вывалился Дед Мороз огромного роста, с белой бородой, длинным блестящим посохом и красным мешком наперевес. Следом за ним возникла маленькая Снегурочка.

Дед Мороз сгреб Матвея и Олю в объятия, громогласно изрек:

– Дети мои, будьте счастливы в Новом году. Пусть в ваш дом придут мир и согласие, – и выудил из глубины своего мешка квадратную плоскую коробочку, перетянутую алой лентой.

Уже дома, включив гирлянду, Оля достала из подаренной коробочки серебряную звезду и прикрепила ее к верхушке елки. Та сразу вытянулась, приосанилась, заиграла веточками.

– Сегодня у нас царский ужин: макароны с топленым сыром и жареной колбасой в винном соусе, – торжественно произнесла хозяйка.

Куранты ударили двенадцать, когда они сидели на полу около елки. Еле слышная мелодия детской карусели звучала в ушах Матвея. Он обнял Олю, поцеловал ее и положил голову ей на колени. Задремал, зная, что завтра будет новый день и они навсегда будут вместе.

Загадай желание

Смеркалось. Электричка Чехов – Москва выплюнула Варю на заснеженный перрон. Поток закутанных людских фигур подхватил ее и понес к зданию вокзала. Поток лавировал между столбами, вздымающимися над промерзшим асфальтом, словно ледяные сталагмиты. Поток огибал ожидающих поезда заиндевелых пассажиров с дрожащими в руках паспортами, будто с почетными грамотами. Поток дышал теплом и перегаром. Если бы не праздник, то Варя, учуяв запах чеснока и колбасы, поморщилась бы и зажала бы нос ладошкой. Но сейчас девушка устало улыбалась и прислушивалась к голосам. Бормочущим: старичок заплетаясь языком доказывал существование оленей и Деда Мороза. Воркующим: пара в любовном трепете мечтала друг о друге. Лепечущим: подвыпивший мужчина грезил о сытном столе с бутылочкой.

Варя завидовала им: «Везет же! Их ждут жены, умытые детишки, стишки-песенки. Елка. Коробки, коробочки, коробищи с подарками. Крабовый салат, огурчики. Эх, надо было и мне приготовить! Да ладно. Кто это все есть будет: Маус, Бусинка?! Может, и мне стишок рассказать и тогда Дед Мороз исполнит желание? “Новый год, Новый год, встали дружно в хоровод. Все кружится, все искрится, ходит задом наперед. Кто грустил – развеселится, кто печалился – поет”».

Варя отделилась от потока и, пиная осколок сосульки, пошла к выходу на автобусную станцию. У дверей льдинка с хрустом врзалась в стену и разлетелась на кусочки, да так, что один из них уколол девушку в щеку. Раздосадованная, она стерла холодной перчаткой стылую капельку, поежилась и спустилась в подземный переход. Уворачиваясь от пакетов с позвякивающими бутылками и торчащими еловыми ветками, она наконец оказалась у остановки.

Заметив рекламу кошачьего корма, ойкнула и побежала в магазин у дороги. На праздничные дни накупила лакомых подушечек и две упаковки крабовых палочек Маусу, кочан капусты – Бусинке. Себе на сладкое решила взять торт «Прага», напоминающий о ночных прогулках по Карлову мосту еще во времена студенчества.

Облизала губы и ощутила ноющую пустоту в груди, вспомнив, как десять лет назад она смычком скрипки триумфально открыла двери консерватории в Праге, а сломанный палец прикрыл эту дверь до щелочки, через которую просачивался запах электричек в Реутов, Мытищи, Балашиху... Тридцатое декабря – Чехов. Двенадцатое января – Одинцово...

С тяжелым настроением Варя вернулась на остановку.

Веревка на коробке с тортом норовила развязаться. С риском уронить его в черную кашу под ногами, Варя влезла в маршрутный автобус, оттеснив мужчину с большим рюкзаком. Сев у прохода и водрузив покупки на колени, она перевела дух и взглянула на мужчину в черном пальто поверх красного атласного костюма. Розовые щеки, белесые брови, покрытые пудрой, белые волосы, выбивающиеся из-под шапки, и длинная сине-серебристая палка, хорошо заметная сквозь полупрозрачный чехол. Мужчина, сутулясь и норовя ударить Варю по голове рюкзаком, выглядывал в окно, будто боялся проехать свою остановку.

– Эй! Мешок-то уберите, а то вся маршрутка поляжет, – испугалась она.

– Простите. – Мужчина неловко развернулся и задел стоящего рядом насупленного господина.

– Осторожней! – взвизгнул тот.

– Да снимите вы его, наконец! – Варя вовремя отстранила рюкзак от своего лица. – Убьете.

– Куда? Видите, народу полно, – отозвался мужчина, краснея до ушей.

– Ставьте на пол. – Варя поправила съехавшую коробку, сокрушаясь, что в такой давке пострадает торт.

Волна обиды подступила к горлу. До дома оставалось каких-то три остановки, а она... а она...

– Нельзя. Испачкается.

– Если испачкается, надо такси брать. – Насупленный повел широченными плечами, отчего по маршрутке прошла недовольная волна.

– Товарищи, ну давайте не будем ссориться сегодня. – Лицо мужчины с рюкзаком просияло. – Ща решим. Держите.

Он вручил палку Варе и, неуклюже вертясь, стянул рюкзак. Поискал в карманах пальто, достал крючок и, закрепив его на поручне у выхода, пристроил мешок.

Салон одобрительно выдохнул.

– Дед Мороз, о, да ты чудесник! – Юношеское хихиканье донеслось с заднего ряда.

– Машина подвела, морозы. Еще три заказа на сегодня, – ответил владелец рюкзака. –

Вот приходится...

Варя сидела с палкой-посохом, как царь горы. Ей казалось, что жизнь происходит где-то далеко от нее. Голоса слышались гулко, протяжно, со смешками и подтруниваниями: пассажирам было весело. Ее же собственная жизнь не сложилась и походила на бледную моль на цветастых обоях. Варя хотела объездить с оркестром весь мир, но занималась репетиторством и ездила к ученикам в область. Она писала никому не нужные статьи по музыкальной культуре и гасила злость в беге по утрам.

Настоящей ее семьей были Маус и Бусинка. Остальные далеко. Мама. Отец. Брат... Мама умерла, когда Варе было восемнадцать; отец был в ее, Вариной, жизни подобно песчаной буре, которая унесла его в Америку; брат уехал работать в Испанию.

Окончив консерваторию по кафедре музыкального драматического искусства (хотя поступала на кафедру музыки), Варя вернулась в Москву и с тех пор ни разу не видела ни отца, ни брата.

Но как же в их семье любили крабовый салат!..

С соседнего кресла немолодая улыбчивая женщина обратилась к пассажирам:

– Давайте, что ли, загадывать желания. Когда такое еще будет: с Дедом Морозом едем. А? Все оживились. Посыпались желания – от варешек до домика в горах.

– Давайте-давайте, а то я скоро выхожу. А вы, девушка? – обернулся Дед Мороз к Варе. – Хорош грустить! На счет «три» поднимаете посох и бьете им о пол. Договорились?

Варя удивленно захлопала глазами.

– Товарищи, приготовились...

Повисла театральная пауза.

Варе не верилось, что вот так, в общественном транспорте, можно совершить новогодний ритуал и он сбудется. Не верилось, что это вообще возможно. Период ее детских сказочных мечтаний давно закончился, и будоражить сердце ничемными ожиданиями было непозволительно и опрометчиво. Она поискала глазами, кому бы передать посох, и протянула его улыбчивой женщине, но та отказалась.

– Девушка, ну что же вы?..

Варя растерянно повела плечами и задумалась о своем желании. Диссертацию дописать... Получить гонорар за статьи... Замуж... Нет, нет, совсем не то... Чего же я хочу? Может, уехать... в Варшаву, Австрию?..

– Приготовились. – Дед Мороз сделал глубокий вдох. – Раз, два, три! – и махнул рукой.

Варя зажмурилась и со всей силы ударила посохом о пол. Железный кончик посоха звякнул, и она, в гомоне попутчиков, прошептала:

– Пусть приедут отец и Сашка, – и тут же испугалась.

Дома Варя распаковала покупки, насыпала коту корма и отщипнула капустный лист черепаше. Неуверенно заглянула под крышку торта и осталась довольна ровненьким, нигде не

поврежденным шоколадным покрытием. Повертев в руках упаковки с крабовыми палочками, убрала их в холодильник. Минут через тридцать, когда два куска «Праги» были съедены и запиты чаем с лимоном, она поставила варить яйца, рис, почистила огурцы. Под черно-белую немую комедию порезала лук и достала семейную вазу.

Первая СМС пришла в двадцать три сорок тридцатого декабря, когда Варя спала: «Гудбай, Америка! В Москве буду в семь вечера. P.S. Если не усну в такси после перелета, у тебя – около десяти».

Вторая – в шесть сорок восемь тридцать первого декабря: «Встречай! Выезжаем из аэропорта. Надеюсь, не застаю тебя врасплох и ты дома».

Варя проснулась около восьми утра под трель дверного звонка. На пороге стоял Саша, одной рукой обнимая жену, а другой стряхивая снег с шапки пятилетней дочери.

К вечеру тридцать первого декабря они вместе накрыли стол. Не зная, приедет отец один или со своей новой семьей, Варя расставила восемь тарелок: для себя, брата с женой и дочерью, отца с женой и сыновьями. В десять вечера, когда Саша в коридоре обнимался и целовался с отцом и сводными братьями, Варя достала из холодильника крабовый салат, поставила салатник в центр стола и, счастливая, подумала: «Наконец-то вся семья в сборе!»

Монпансье

Когда похороны отца и матери завершились, Сюзанна сжала пятьдесят долларов в кулачке и направилась к церкви. Ей оставалось пройти несколько улиц, когда послышался стойкий запах жареного лука, и она, не в состоянии противиться скверному настроению и голоду, оказалась у таверны «Пинта пива» на бульваре Магнолия. Дубовая дверь распахнулась перед ее носом, выпуская из духоты, сдобренной потом и капустой, двух шатающихся пьянчуг, таких замызганных и сальных, что Сюзанна подумала, стоит ли погружаться в хаос и разгул, чтобы утопить в них свою беспросветную жизнь, или еще есть время вернуться на дорогу, ведущую к Богу.

Пьянчуги обнялись. Больше мешая друг другу, чем помогая, пошли по бульвару, сшибая прилавки с ящиками и посылая проклятья торговцам. Сюзанна смотрела, как они налетали на стены домов, и чувствовала схожую неустойчивость и отрешенность от мира. В момент, когда бедолаги ухватились за столб с вывеской магазина и накренили его, Сюзанна вздрогнула. Озноб, похожий на сотни молоточков, ударил по щиколоткам, ослабив ноги. Она уцепилась за дверную ручку и толкнула дверь. Преграда, что еще секунду назад удерживала ее в сомнениях, теперь обнажила осязаемую реальность – бесстыдную, но сытую.

Сюзанна увидела свободное место в углу. Протиснулась туда, смущаясь от восторженных окриков и чувствуя себя на арене цирка. Сидя на скамейке, стянула с головы платок матери и неохотно улыбнулась толстяку за соседним столом, поднявшим кружку в честь ее рассыпавшихся по плечам каштановых волос. Пока она рассматривала посетителей, толстяк оказался у ее стола и уселся напротив. От него пахло чем-то химическим, как от чанов с краской, в которых замачивают ткани.

«Неужели это все, что уготовила мне судьба? Но... еще не поздно. Я могу уйти отсюда. Матушка говорила, что отчаяние приводит к угасанию душевной искры, ее потом не найдешь. Нет, это не в моих силах. Больше суток я ничего не ела и продрогла до костей. Крохи сбережений – это все, что у меня есть. Потребуется время, чтобы найти работу гувернанткой или сиделкой. Кто приютит меня? Или спать на улице? В сущности, он не стар, не беден. Может, из торговцев или газетчиков. И все не так страшно, как я себе представляю...» – думала она, рассматривая на удивление белые, пухлые руки и цепочку часов, что убежала в кармашек добротной, но грязной жилетки.

На вид ему было лет сорок. Когда-то он был симпатичный, но теперь – бледнолицый, с редкими рыжими волосами, спадающими на выпуклый лоб, и вздернутым носиком, под которым торчали усы, похожие на старую ободранную щетку для натирания полов. Он приглаживал их указательным пальцем, но усы топорщились, придавая лицу нелепый вид.

Его маленькие глазки ошупали Сюзанну, и она покрылась красными пятнами, услышав хвалу своей красоте и заверения, что от одиночества можно умереть. Он пересел поближе, прижав девушку животом к стене. Выдохнул, что несколько лет, как он вдовец, и потому возьмет ее работать к себе в аптеку и в дом, – если, конечно, Сюзанна не обременена обязательствами перед другим мужчиной. Сюзанна, потея, ответила, что сиротство ее полное, а жилья нет. Когда толстяк заказал порцию картошки с кислым пивом, она сделала несколько глотков и неожиданно опьянела.

В дом Бернара Уилсона Сюзанна вошла покачиваясь. Часы пробили десять. Она испугалась, запнулась о деревянную скамейку у порога и расшибла лоб. Отерла кровь. На ладони блеснули капли, и ей, возбужденной и заболевающей, показалось, что само провидение рассыпает зерна граната, а в тех местах, откуда была родом ее мать, гранат считался символом семьи и любви. Мучась жаром, в первую же ночь она ощутила пылкость будущего мужа и убедила

себя, что любить потрепанного толстяка-аптекаря теперь ее долг, тем более что воспитание призывало Сюзанну к смирению.

Через три недели, когда болезнь отступила и обещанные законные подписи были поставлены, она повязала на волосы белый платок и среди прозрачных колб и мутных склянок заняла почетное место у прилавка аптеки. Руки ее бойко упаковывали куски мыла, отливали шампуни. Она советовала принимать таблетки строго по часам и объясняла пользу эфирных масел. Расхваливала шоколад и монпансье, которые варил Бернар, добавляя успокоительные травы и бодрящие эссенции. Возвращаясь домой, она помогала кухарке готовить ужин. Потом ела в одиночестве, вздыхая, что муж приходит к часу ночи и дух дешевых женщин исходит от его одежды. Думала: «Пусть так. Все к лучшему. Мне не за что его осуждать. Он гуляка и мот, но, в сущности, немного ребенок, когда приходит веселый и закрывается в лаборатории, чтобы что-то взорвать или навонять серой и карболкой. Это большая удача: я нашла утешение от своих невзгод и благодарю Всевышнего, что не стою на паперти, а всего лишь торгую мазями». Но ближе к ночи смирение переходило в странную злость, и делить постель с мужем ей становилось все сложнее.

Она хотела сына. Ей казалось, что тогда в хлопотах и заботах исчезнут мечты об Оскаре, пройдет раздражение на Бернара, а их семья хоть немного станет похожа на родительскую, где отец и мать жили бедно, но дружно. Сюзанна подходила к зеркалу, пыталась найти изъяны, которые не давали ей ощутить себя детородной. Лунный свет накрывал ее серебристым прозрачным шлейфом, и что-то горячее начинало зарождаться в ней. Она будто оказывалась на раскаленной сковородке. Стопы горели, жар поднимался по ногам, охватывал стан и кружил голову, вселяя надежду, что чудо произойдет. В такие минуты ей становилось невыносимей всего. Мысли об Оскаре захватывали ее сердце в жестокие тиски, и она утыкалась лицом в занавеску, заглушая рыдания и стараясь не смотреть в окно противоположного дома, в котором однажды заметила любимое лицо.

В один из вечеров в дверь позвонили. Через несколько минут кухарка принесла записку, прочитав которую Сюзанна побледнела.

«Милая Сьюзи! Мысли мои заняты только Вами. С упоением жду каждой ночи, чтобы погрузиться в царство мечты о Вас и нашем будущем. Не лишайте меня счастья быть рядом с Вами. Не отвергайте. Позвольте увидеться завтра утром».

Она бросилась к окну и заметила, как занавеска напротив дрогнула, скрыв мужское лицо.

Следующим утром Сюзанна тихими шажками вышла на улицу.

Он стоял на углу дома, тербил кожаные перчатки, переминаясь с ноги на ногу.

– Вы пришли! Я верил... ждал... Как же я счастлив!..

Она опустила глаза и прошептала:

– Ах, Оскар! Значит, мне не пригрезилось, это вы. Вы все еще помните меня.

– Сьюзи! Как я мог забыть! Вы так внезапно исчезли. Я справлялся, искал, но... Пойдемте отсюда. Не будем стоять как истуканы.

Они пошли по мостовой в сторону парка. По старой мраморной лестнице с черными чугунными перилами в виде виноградных лоз поднялись к беседке у озера.

– Здесь, как прежде, хорошо... – вымолвила Сюзанна.

Она провела рукой по деревянной подпорке, по краям слегка облупившейся и шероховатой. Пройдя вдоль разобранной лавочки, рядом с которой стояли свежие доски и на полу лежал молоток. У тропинки к озеру в тени раскидистого дерева заметила плотника, строгавшего бревно. Подняла взгляд к небу и подумала, что Бог милосерден, подарив встречу с тем, кого она любит.

Когда Сюзанне исполнилось семнадцать, мать отправила ее в услужение к овдовевшей старой миссис Дрейк, владелице швейной фабрики, на которой работали отец и мать Сюзанны. За добрый нрав и скромность миссис Дрейк взяла ее в компаньонки, и уже через месяц жен-

щины стали настолько дружны, что старая миссис позволила Сюзанне обедать в кругу своей семьи: двух дочерей на выданье и сына, только что окончившего университет.

Если с девушками Сюзанна свободно общалась, то Оскар вызывал в ней приступы тревоги. Она окидывала себя взглядом, одергивала платье на груди и трепетала, когда он украдкой давал ей конфеты из своей коробочки монпансье. Она сохраняла конфетки и вечерами перебирала их в своей комнате, фантазируя, что в один прекрасный день он придет и попросит ее руки.

Однажды он встретил ее на рынке и увлек к озеру. В беседке они взялись за руки и поцеловались с той страстью, с которой в небе искрят молнии и дует ураганный ветер. Он обещал рассказать матери о своей любви к Сюзанне через неделю, когда вернется из поездки за новыми швейными машинами для фабрики, еще не зная, что пожар сожрет десятки людей, в том числе ее родителей и его мать, и обрушит здание, оставив пепелище надежд и агонию нужды.

– Сюзанна, я очень долго искал тебя.

Он поднес ее пальцы к губам. Она, утопая в нежности, уткнулась ему в макушку и вдохнула терпкий аромат надушенных волос. Что-то жгучее было в сладковатых нотках возбуждения, которое она почувствовала. Желание обуяло ее с неведомой силой. Она прижала его голову к груди, он обхватил ее за талию, и так они стояли до тех пор, пока плотник, кряхтя и сплевывая, не вошел в беседку.

Сюзанна оттолкнула Оскара и побежала по дорожке. Выскочила на улицу, ведущую к аптеке. У прилавка, собирая заказы, она была сама не своя. Сердце стучало в висках, голова разрывалась от боли и чувств: Оскар Дрейк опять появился в ее жизни, и это доводило до исступления.

Несколько дней после встречи с Оскаром печаль пожирала Сюзанну. Она сказала больно и часами сидела в слезах, терзаясь долгом и моралью, проклиная себя за неспособность устоять перед любовным влечением...

Но шло время, и бороться с мукой, не видеть Оскара она уже не могла. Бурные чувства, которые она долго скрывала, наконец хлынули наружу. Однажды вечером Сюзанна поднялась по ступенькам его дома в надежде, что теперь он навсегда будет принадлежать ей.

Спустя недели стало ясно, что чудо свершилось. Оно растопило в ней корку льда, наросшую за время жизни с порочным человеком. Оно очистило, исцелило, освободило.

Когда чудо стало очевидным, Сюзанна обрадовалась: больше нельзя откладывать, нужно поскорее завершить задуманное. Накинув плащ, в кармане которого лежала коробочка монпансье, припасенная для любимого, Сюзанна перебежала улицу и позвонила в звонок дома Оскара Дрейка. Он открыл сразу, словно ждал ее.

– Мой милый! Мне так стыдно, но... – Она прижала ладони к покрасневшему лицу.

Оскар пропустил ее в дом. Она побежала по коридору, вскрикивая:

– Как можно скорее! Как можно скорее!

– Мы сделаем все, как ты хочешь, но нам надо немного подождать.

Он торопился ее догнать. Сюзанна затылком чувствовала его волнение.

– Больше никак нельзя! Непременно бежать!

У порога гостиной она повернулась к Оскару. Они схватились за руки.

– Сьюзи, что с тобой? У тебя жар! Ты совсем забыла, о чем мы говорили. Дела мои обстоят не слишком хорошо: судебные тяжбы из-за фабрики и новое строительство. Мы должны повременить. Я обещаю, что через несколько месяцев...

Сюзанна выхватила руки и вбежала в гостиную. В углу горел камин, у которого они грелись вечерами. На столике лежали книги и стоял бокал с вином. Ей стало не по себе. Она закружила по комнате: «Неужели он не хочет? Но это невозможно! Он не может так поступить»

со мной. После всего, что между нами было... Ведь скоро все увидят. Не избежать огласки, и Бернар... Что же будет, когда он узнает?»

– Ты отказываешься от меня?

Она остановилась у камина. Голос дрожал, хриплые нотки пробивались сквозь частые вздохи.

Оскар бросился к ее ногам. Обхватил мягкие складки юбки.

– Никогда не говори так! Я люблю тебя! Жизнь свою я готов разделить с тобой. Мы скроемся, уедем в Алабаму или Кентукки. Дела устроятся, я найму поверенного. Пройдет время, и ты получишь развод...

Когда заверения Оскара успокоили сердце Сюзанны, она призналась, что после многих месяцев отчуждения и страха чувствует себя счастливой и что надо действовать, поскольку скоро на свет появится наследник. Оскар целовал, благодарил, восторгался. Они долго сидели на пушистом ковре у камина, договариваясь, что утром на первом поезде отправятся в Бирмингем. Сюзанна гнала от себя мысли о муже, о бессонных ночах и унижениях. В мечтах представляла большой дом с садом и фонтаном, длинную дорожку и просторный шезлонг, который поставит под яблоней; в ясную погоду по нему будут скакать солнечные зайчики. Она верила, что новый сад будет намного лучше того, что цветет на заднем дворе дома Бернара.

Часы пробили десять. В объятьях Оскара можно было пребывать еще не один час, но она хотела достать из потайного ящика накопленные деньги и попрощаться с кухаркой. Сюзанна поднялась с ковра. Накинула плащ. Нащупала коробочку монпансье и протянула ее Оскару.

– Это последняя. Я взяла ее у Бернара. Он уверял, что слаще и вкуснее конфет не делал. Яблоко, вишня, груша. Есть несколько конфеток с соком внутри. Попробуй. А завтра мы откажемся от всего, что связывает нас с прошлой жизнью.

Она достала оранжевую круглую конфетку. Положила себе на ладонь и посмотрела на просвет. Ярко-красные всполохи камина отразились в сердцевине. Шарик светился в руках Сюзанны, словно уголек. Оскар поднес ее ладонь к губам. Поцеловал запястье и после этого взял губами конфету.

Он перекачивал ее во рту и почему-то бледнел. Сюзанна не понимала, что происходит. Глаза Оскара выпучились, лоб наморщился. Он затряс головой. Руки оттолкнули что-то невидимое. Затем он схватился за горло, захрипел и рухнул навзничь. В углах рта появилась оранжевая пена. Несколько секунд судорога сводила его тело, потом он вытянулся и замер.

Сюзанна почувствовала, как острое лезвие полоснуло ее по животу, и потеряла сознание.

Она пришла в себя в просторной светлой комнате, которая раньше принадлежала первой жене Бернара. Бернар Уилсон сидел в кресле и курил. Осунувшийся, почерневший, с повисшими усами, он походил на водяного, только что вылезшего из тины. Сюзанна все вспомнила. Врачей и тиски, разрывающую боль и морфин.

Она молчала, когда Бернар сообщил, что давно заподозрил ее в измене. Вызывая в ней тошноту и отвращение, он рассказал, как выслеживал их, изобретал вкусный яд, описал дохлых мышей на лабораторном столе и хлопнул себя по ляжке, расхохотавшись над тем, что все-таки дождался часа правосудия: конфеты сделали свое дело. Он вскочил, восхваляя небесный суд и обрекая Сюзанну на вечное наказание в виде заточения в доме, из которого она собиралась бежать. Когда Бернар покинул Сюзанну, она встала, придерживая живот, дошла до двери и больше никогда не выходила из своей новой комнаты, которая смотрела окнами на задний двор с цветущим садом.

С тех пор минуло сорок лет.

Рама открытого окна являла собой ворота в окутанный туманом сад. Где-то там, слева от аллеи, высыхала яблоня, облепленная тлей. Чуть дальше торчала груша, пораженная серой гни-

лью. Справа чахла вишня, усеянная бурыми язвами. За ней растопырила ветки слива, покрытая коричневым налетом. В непроглядной белизне тишина прижимала к земле смерть, и только звонкий ручеек у невидимой дорожки напоминал Сюзанне, что она еще жива. Она сидела в кресле, куталась в клетчатый плед и чувствовала, как туман затягивает ее в себя. Голова качнулась. Сюзанна вздрогнула, но уже через секунду задремала.

Ее легкое тело поднялось к потолку и увидело аскетичную комнату: бледные стены с масляными разводами внизу и водяными подтеками вверху, запыленную люстру с двумя похожими на лилии рожками, выцветшие занавески. В геометрически ровном пространстве, словно это был игрушечный домик для кукол, стоял коротконогий комод, стул с одеждой и односпальная кровать с откинутым одеялом. Сама Сюзанна показалась себе необыкновенно старой, такой, что даже молочная пелена тумана не скрывала глубоких морщин на лбу и седых волос, собранных в пучок.

Она пролетела сквозь потолок и крышу. Поднялась над городом. Узнала черную привокзальную площадь, белый фонтан в центре в виде руки, выглядывающей из воды. Подумала, что рука напоминает утопающего, цепляющегося за жизнь. Увидела кладбище, на котором лежали ее родственники. Удивляясь собственному безразличию, она поднялась еще выше и разглядела штат Теннесси. Потом Миссисипи, Арканзас, Кентукки, Алабаму. Через мгновение перед ней предстала вся Америка с равнинами, горами, озерами.

Она чувствовала себя свободной, словно облако сладкой ваты пустилось в путь, оставляя за собой едва уловимое воспоминание о наслаждении вкусом. Увидела Канаду, моря и океаны, все материки. Ее поразило, как точно соответствуют друг другу края континентов. Южная Америка и Гвинейский залив были словно отрезаны ножницами друг от друга. Восточный край Северной Америки и западное побережье Европы тоже подходили друг другу, как части разломанного монолита. Она подумала, что если соединить все части, то получится один материк, на котором могли бы жить все люди. И она, и Оскар, и их дети.

Среди звезд и планет затерялась Земля. Сюзанна плыла в потоке вибрирующего света и рассматривала Вселенную как карту звездного неба, которую она видела в школе. Ей почему-то стало радостно оттого, что космос оказался именно таким, каким она его себе представляла: бесконечным и блестящим. Вдали она увидела странную вздрагивающую воронку, откуда раздавался не менее странный гул, будто крутилась мельница. Чем ближе Сюзанна подлетала к воронке, тем сильнее гудело и пульсировало все вокруг. Вдруг вихрь подхватил Сюзанну и выбросил в голубое пространство.

Рядом с ней оказался Оскар в белом балахоне. Он взял ее за руку. Сюзанна ничего не почувствовала, только непостижимым образом поняла, что он счастлив снова видеть ее. Она спрашивала без слов, он отвечал. Ее интересовало, смогут ли они теперь навсегда быть вместе и как называется то место, где они находятся. Оскар ответил, что она все увидит сама. Потянул за собой в сторону серебристого дождя.

Они пролетели сквозь него, и перед изумленным взглядом Сюзанны раскинулся цветущий сад. Красный цвет преобразался в оранжевый и таял в розовом. Синева подхватывала желтый и растворялась в зелени. Золотой окутывал все медовым благоуханием. Длинная дорожка вела к фонтанчику, а у высокой яблони стоял шезлонг с прыгающими по нему солнечными зайчиками.

Голова у Сюзанны закружилась. Она вдруг увидела себя в белом балахоне и ощутила, как растворяется в вечности, избавляясь от оков, удерживающих ее на земле. Сюзанна ликовала: кроме нее, Оскара и сада, о котором она мечтала всю жизнь, больше ничего не существовало.

На ту сторону реки

*Не смотрите друг на друга.
Не возвращайся!
Не возвращайся снова!
Не возвращайся снова!
Дети заклинают.*

Желтый диск солнца поднимался над Улахан-Чистаем. Его холодные лучи тронули стылую землю и пролили свет на невысокий балаган, в дверях которого стояла закутанная в шубу старуха. Лучи коснулись покрытых пигментными пятнами рук, мелькнули в белесых глазах и озарили лицо, испещренное морщинами. Солнце поднялось выше, лучи скользнули по земляной кровле балагана и унеслись в зимнюю тундру. Ежась от ветра, Кюннэй ощутила, как снежная пыль осела ей на лоб и морозный воздух опалил губы. Сосулька, что была во рту вместо леденца, хрустнула. Взрыв воспоминаний вонзился осколками в мягкую плоть сердца, и горький вздох усталости вырвался из ее иссеченной груди.

Пора устраивать поминки.

Год прошел, как не стало Мургуна. Сильный, ловкий, он оставил ее тихо: вечером пообещал помочь приготовить кровяную колбасу, а утром... Она хорошо помнила кровавую кляксу на подушке, похожую на оскал медведя, и ту злость, что возникла в ней, когда она перевернула его на спину. Муж не исполнил обещания. Он забыл взять ее с собой, хотя еще на свадьбе они договорились уйти в вечность вместе.

Справа от Кюннэй скрипнул снег. Она прислушалась.

– Хорошее... Все будет готово в срок. – Харысхан, старший сын, бросил к ногам матери старое дерево и глухо похлопал по стволу.

Кюннэй втянула в себя запах рыбьего жира, которым пропах сын, и спросила, легко ли пойдет резка. Сын ответил, что ствол мягкий и изваяние отца получится на славу. Они обсудили приготовления к обряду. Харысхан попросил мать не стоять на ветру, ведь она только оправилась от болезни. Кюннэй промолчала. Ей не хотелось расстраивать сына. Он умелый охотник и рыбак, молод и здоров, единственная ее опора.

Но мальчик не знает, что она должна как можно скорее перейти на ту сторону реки, чтобы согреться.

Харысхан проводил мать внутрь балагана, а сам взял большой нож и провел линию, как бы отделяя голову от тела будущего изваяния.

День приближался к полудню.

Пахло вареным мясом. Похожая на высушенного кузнечика, Кюннэй сидела у потрескивающего очага и растирала замерзшие пальцы: год назад безжизненные руки Мургуна разомкнули цепь тепла, и Кюннэй стала такой же холодной, как до встречи с мужем...

Холодной с момента рождения: мать принесла кроху к двери детского дома и легла умирать, не оставив даже записки об отце ребенка. Сначала декабрьский ветер робко выбелил щечки и лобик девочки, затем, осмелев, ущипнул маленькое, закутанное в стеганое одеяло тельце, потом на хозяйских правах проник в ее грудь. С тех пор у Кюннэй с ветром начались особые отношения. Семнадцать лет девочка спала на кровати, стоящей у плохо закрываемого окна, и страдала от отитов. Ее изношенные одежды не уберегали от сквозняков, и начиналась ангина. Вихри целовали лицо Кюннэй, и на месте поцелуев появлялись фурункулы. Куда бы ни шла Кюннэй, ветер толкал ее в спину и бил в грудь, срывал шапку и трепал волосы, подбрасывал полы пальто и путал сухую траву в ногах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.